

**«ЗАПИСКИ» Г. С. ВИНСКОГО:
СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ДОМАШНЕГО УЧИТЕЛЯ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII В. НА УРАЛЕ**

Поскольку сеть учебных заведений в России XVIII в. была еще чрезвычайно редкой, большинство дворян, особенно в провинции, вынуждены были прибегать к найму домашних учителей для детей, среди которых было немало невежд, не способных дать сколько-нибудь достойного образования. Об этом свидетельствуют десятки мемуаров, авторами которых были сами обучаемые.

Большой редкостью являются мемуары, написанные самими учителями. Особое место среди них занимают «Записки» Г. С. Винского, раскрывающие жизненный путь человека, выступившего в качестве домашнего учителя на Южном Урале во второй половине XVIII в. и уделившие этому периоду жизни достаточно большое внимание. Воспоминания Винского позволяют нам воспроизвести социальный портрет образованного домашнего учителя, вынужденного в силу жизненных обстоятельств заниматься преподавательской деятельностью в далекой провинции, в губернском городе Уфе на протяжении долгих лет.

Григорий Степанович Винский начал работу над своими автобиографическими «Записками» в 1814 г., в возрасте 62-х лет. Он решил рассказать историю своей жизни «для себя и для своих». Впервые они были опубликованы в 1877 г. на страницах журнала «Русский архив».

Григорий Степанович родился в 1752 г. в семье мелкопоместных украинских дворян в городе Почепе на Украине. Интересные сведения приводит автор о собственном обучении, которое также начиналось у домашних учителей. Григорий учился грамоте в приходской школе в Баклани: «...дом наш был насупротив церкви Св. Николая, школа принадлежавшая ей, находилась через дорогу <...> в сей школе жил дяк, к которому меня водили, который однако, чему и как учил меня не помню; но что часто и больно ссекал меня, особливо по субботам, сие помню...»¹. Латинскому языку Григорий обучался у поляка пана Мушинского, о котором писал так: «Первого же моего инспектора...гораздо более помню не по его учению, а потому, что он был охотник стрелять, удить рыбу, ловить птичек и меня нередко с собою важивал, и что он был крайне зол и нас (учеников. — А. Е.) ссекал без милости»². Следующим его учителем стал пан Дворец-

кий, родом из Сосницы: «При сем учителе я прошел латинский алвар; пороссийски же читал уже по вечерам для матери Четь-минею <...> писал изрядно и по сказыванию»³. Пан Дворецкий был нрава тихого, наказывал редко, не напрасно и не жестоко, чем заслужил любовь своего ученика.

Родители Винского понимали важность образования и в возрасте 10 лет отдали сына в грамматический класс Черниговского коллегиума, в 1763—1768 гг. он учился в Киево-Могилянской академии (закончил класс риторики); французскому языку обучался в пансионе Карповича в Стародубе. Таким образом, в юности будущий домашний учитель получил неплохие для своего времени знания гуманитарного характера, знал помимо русского латинский и французский языки.

В 1769 г. в возрасте 17 лет Винский приехал в Петербург, где был записан в военную службу, солдатом Измайловского полка, и одновременно в школу, но там отнеслись к нему недружелюбно, как к «хохлу», и исключили за «негодностью», хотя ученик знал больше своих учителей. Дурные «трактирные» знакомства, бесконечные кутежи и мотовство вынудили Винского заложить собственную деревню в банк. В 1779 г. он оказался замешан в неблагоприятной истории, связанной с мошенничеством, им заинтересовалась секретная полиция. На него поступил донос, вследствие чего Винский был посажен в крепость, затем лишен дворянства и в 1781 г. сослан в Оренбург. В ссылку с ним отправилась и молодая жена, вопреки уговорам родни. Чтобы иметь средства к существованию, Винский проработал почти два года секретарем у откупщика Астраханцева, но «быть ежедневно в сообществе корчмарей, слышать непрестанно их ссоры и раздоры, напиваться без вкуса дважды в день, а иногда и трижды» ему было невыносимо.

В 1781 г. Уфа стала губернским городом и «наполнилась» благородными дворянскими семьями. Учителей французского языка, ставших буквально в течение нескольких лет необходимыми в благородных дворянских домах, не хватало. Поэтому бывший сослуживец Винского, таможенный советник Ф. Я. Шипков, порекомендовал его в качестве учителя французского языка своему приятелю-чиновнику, жившему в Уфе. В связи с этим в августе 1783 г. Винский перебрался из Оренбурга в Уфу, где был принят домашним учителем в дом надворного советника Николая Михайловича Булгакова. По договору он должен был обучать двух его детей французскому языку, географии, истории и арифметике за 300 руб. в год.

Почти 16 лет Винский проработал домашним учителем в семьях высших чиновников Уфимского наместничества: надворного советника Н. М. Булгакова, вдовы Е. Д. Рычковой, надворного советника С. Я. Левашева, таможенного советника Ф. Я. Шипкова. Обучая детей, Г. С. Винский продолжил заниматься и самообразованием: «...я сам столько успел в знании французского языка, что мог читать и переводить

всех родов авторов без словарей»⁴. Пока дети учили уроки, он читал книги: «Начавший тогда выходить в свет “Всемирный путешественник” зажег во мне любопытство. Блажен, чье сердце способно принять сию божественную искру, и преблажен, кто, воспламеняемый сим священным огнем, нападет сам собою или наведен будет добрым человеком любопытствовать, то есть научиться одному полезному»⁵.

Интерес к получению знаний путем чтения книг поддерживался у Винского и благодаря доступу к личной библиотеке губернатора. Воспоминания прекрасно отражают интерес просвещенного дворянства, проживавшего в губернском городе на Южном Урале, к французской литературе, к чтению произведений просветителей. «Первый Вольтер заохотил меня читать и рассуждать. Занимательный слог, важность вещесловия, смелые истины, тотчас мною переведены и сообщены знакомым, как новость. Похвалы, благодарность более и более заставили упражняться в переводах, а сим самым приобреталась нравственность, ибо писать и бражничать — сладить было никак нельзя»⁶. Наиболее сильное впечатление на него произвел Л. С. Мерсье; его сочинения определили отношение Григория Степановича к литературе французского Просвещения. Винский стал пропагандировать идеи просветителей не только среди своих знакомых дворян, но и среди своих воспитанников — знакомил их с идеями Ж. Ж. Руссо, К. А. Гельвеция, Г. Мабли.

В традициях того времени было принято учителю обучать сразу же нескольких детей. Так, в семье надворного советника Н. М. Булгакова Винский обучал его сына и дочь; в семье вдовы Е. Д. Рычковой — сына и трех дочерей; в семье надворного советника и совестного судьи С. Я. Левашова — двух дочерей, двух сыновей и племянника.

Григорий Степанович старался увлечь и заинтересовать учеников изучением иностранного языка, используя собственные оригинальные методы. В «Записках» он раскрывает применяемые им методы, чтобы знания давалось ученикам легко и надолго: «Кто отправлял мучительную учительскую должность, тот верно знает, что, выписывать грамматику, разговоры, лексиконы и, распорядив по ним уроки, невеликая трудность, а только скука — просиживать в школе часы с учениками: обыкновенная метода иностранцев и наших педантов. Но есть средство самое верное и ученику полезное в учении его языку, чрез чтение с переводом и истолкованием слога того языка и разности нашего. В сем способе вся трудность учителю; поелику он должен не только с усердием, но и с крайним терпением и снисхождением внушать ученику скучные правила, не именую их, что особенно трудно на первых десятках страниц. Но я по опытам уверен, что, прошедши так с учеником только четверть тома, он столько уже знал язык и его состав, что ему можно было поручить тотчас переводы самых трудных авторов»⁷.

Такие методы давали хорошие результаты. Винский так писал в отношении дочери С. Я. Левашова: «Скажу, не хвастаясь, что Наталья Сергеевна чрез два года понимала столько французский язык, что труднейших авторов, каковы: Гельвеций, Мерсье, Руссо, Мабли, переводила без словаря, писала письма со всею исправностью правописания, историю древнюю и новую, географию, мифологию знала также достаточно»⁸.

Г. С. Винский осознавал различие между обучением детей и их воспитанием, придавал большое значение воспитанию, которое, по его мнению, должно было начинаться гораздо ранее обучения. При этом полагал, что иностранец не может дать достойного воспитания детям российских дворян: «Россиянина должен воспитывать непременно россиянин; научение же можно попустить и иностранцу, только бы воспитание оному предшествовало и никогда из вида не потерялось»⁹. Он подробно поясняет эту мысль: «О, отцы, матери, и все вы, от коих зависят дети!.. Знайте, что болтание чужеземными языками, балансированье, прыганье, бряпанье на фортепиано и на гитаре не есть воспитание, но одно научение. Ведайте, что наемные иноземцы, из какого бы они народа ни были, хотя бы нравственность их была без малейшего нарекания, не могут дать вашим детям воспитания, по тому одному, что они не знают ни законов наших, ни нравов, ни обычаев, ни преимуществ и прав, принадлежащих у нас каждому состоянию граждан, по которым необходимо должно прилаживать нравственность»¹⁰.

В 1806 г. Винский поехал в Петербург и добился помилования, затем поселился в Бузулуке. Его преподавательская деятельность после этого завершилась. Он занялся проектами улучшения торговли России с Востоком, продолжал переводить произведения французских авторов.

Таким образом, мемуары Г. С. Винского свидетельствуют о том, что в российской провинции второй половины XVIII в., среди домашних учителей, были образованные и достойные люди и среди ссыльных, ставшие учителями вынужденно, чтобы таким образом добыть средства для пропитания.

---

¹ Записки Григория Степановича Винского // Русский архив. 1877. № 1. Вып. 1. С. 81.

² Там же. С. 82.

³ Там же.

⁴ Там же. Вып. 2. С. 180.

⁵ Там же. С. 183.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 180.

⁸ Там же. С. 194.

⁹ Там же. Вып. 1. С. 85.

¹⁰ Там же.